

Евстратов Антон Геннадьевич

ВОРОНЕЖСКИЙ КРАЙ НАКАНУНЕ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ 30-Х ГОДОВ XX В

Статья раскрывает основные особенности экономического и социального развития воронежского края в преддверии социалистической индустриализации 30-х годов XX в. В работе анализируются перспективы индустриальных преобразований, их предпосылки и целесообразность. В качестве источников использованы материалы Государственного архива общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО), данные которых расходятся с информацией официальной пропаганды, что дает новое видение ситуации в воронежском крае накануне социалистической индустриализации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/5-2/14.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (31): в 2-х ч. Ч. II. С. 56-60. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

LEGAL REPRESENTATION AND ADVOCACY INSTITUTIONS IN THE EUROPEAN UNION COUNTRIES: HISTORICAL-LEGAL ASPECTS

Dyukina Veronika Raisovna
Peoples' Friendship University of Russia
dyuni@rambler.ru

The author covers the problem of the division of legal assistance to individuals and organizations into legal representation and advocacy, studying the theory of the question, recognized scientists-lawyers' opinions and the Western European countries experience relates the obtained conclusions with the tendencies in the legal space of the modern Russian state, and comes to the opinion about the inexpediency of advocacy monopoly introduction in the Russian Federation.

Key words and phrases: advocacy; legal representation; lawyer; attorney; legal representative.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

Статья раскрывает основные особенности экономического и социального развития воронежского края в преддверии социалистической индустриализации 30-х годов XX в. В работе анализируются перспективы индустриальных преобразований, их предпосылки и целесообразность. В качестве источников использованы материалы Государственного архива общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО), данные которых расходятся с информацией официальной пропаганды, что дает новое видение ситуации в воронежском крае накануне социалистической индустриализации.

Ключевые слова и фразы: индустриализация; промышленное развитие; колхозы; экономика Воронежского края; коллективизация; рабочий класс.

Евстратов Антон Геннадьевич
Воронежский государственный технический университет
anton_nastoyashiy@mail.ru

ВОРОНЕЖСКИЙ КРАЙ НАКАНУНЕ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ 30-Х ГОДОВ XX В.®

Тема индустриализации является одной из наиболее важных и актуальных для современной России. В последнее время руководство страны все чаще обращает внимание на необходимость реиндустриализации или новой индустриализации [7]. В этой связи важно учитывать опыт индустриальных преобразований, которые уже проходили в нашей стране в 30-е годы прошлого столетия. Основа промышленной базы России, как и других советских республик, была заложена именно тогда. Учет позитивных и негативных факторов, имевших место в период социалистической индустриализации 30-х годов, является залогом успеха проведения реиндустриальных изменений в экономике современной Российской Федерации. Воронежская область, при ее динамичном развитии в последние годы, после прихода на губернаторский пост А. Гордева, также нуждается в рассмотрении опыта социалистической индустриализации – в региональном аспекте. На территории воронежского края этот процесс происходил особенно противоречиво, параллельно с революционными преобразованиями на селе, что и предопределило современный облик региона.

Воронежская губерния к середине 20-х годов прошлого столетия представляла собой достаточно слабо развитый в экономическом отношении регион. Основные экономические показатели данной территории были ниже уровня, зафиксированного до Гражданской войны. Частично это объяснялось тем, что губерния, ставшая ареной кровавых боев, не до конца восстановилась за годы нэпа. Более того, по данным некоторых документов, хозяйство воронежского края клонилось к упадку еще с конца девятнадцатого столетия – задолго до Гражданской войны.

По переписи 1926 года население губернии составляло 3325,4 тысячи человек. Преобладали в ней сельские жители, которых насчитывалось 2053,2 тысячи, а горожан было лишь 272,2 тысячи, то есть чуть более 10%. Это вполне объяснимо. Регион являлся по большей части сельскохозяйственным, а промышленность в основном зависела от производимого в селе сырья [3, д. 11, л. 96]. К 1926-1927 годам в местном промышленном производстве было занято лишь 8946 человек [Там же, д. 111, л. 101].

По всему Центрально-Черноземному региону, составной частью которого была территория Воронежской губернии, насчитывалось 10% населения всей европейской части России, но промышленный оборот составлял лишь 4% [Там же, л. 12]. Доля крупной промышленности ЦЧР в 1925-1926 годах составляла лишь 19%. К 1928-1929 годам, даже несмотря на начало первых индустриальных преобразований, практически не произошло ее увеличения – продукция крупного промышленного производства составляла 21,1% от общего количества продукции предприятий губернии [Там же, л. 1]. Промышленность Воронежской губернии практически не демонстрировала положительной динамики в развитии. Некоторое поступательное развитие можно отметить лишь в строительстве и связанных с ним отраслях.

Как было отмечено выше, основная часть промышленности губернии перерабатывала сельскохозяйственное сырье. Наибольшее количество ценовых заведений приходилось на долю мукомольных предприятий. Затем следовали маслособойная, винокуренная, сахарная отрасли. В Усмани действовала крупная махорочная фабрика.

В документах 20-х годов отмечался недостаток финансирования промышленного производства. Так, весь бюджет Центрального Черноземья, по контрольным цифрам за 1927/28 годы, выделял на промышленность только 1 миллион 400 тысяч рублей. Этих средств хватало лишь на строительство одного десятипрессового маслособойного завода [Там же, д. 108, л. 18].

Что касается тяжелой промышленности, то первое место среди ее отраслей занимала металлургия. Динамика роста тяжелой промышленности значительно превышала количественное увеличение отраслей, перерабатывавших сельскохозяйственное сырье.

Примечательно, что в некоторые годы имел место даже спад производства в легкой промышленности. Колебание ее показателей часто объяснялось их зависимостью от урожая местных сырьевых культур.

Обследование промышленности губернского Совета народного хозяйства, проведенное в середине 1920-х годов, показало, что на большинстве его заводов и фабрик производительность труда достигла предела, возможного при существовавшей на тот момент технической базе и оборудовании. Дальнейший рост производства требовал коренной реорганизации всей промышленной базы, механизации производственных процессов, замены старого оборудования на новое и увеличения объемов производства [8, с. 242].

Необходимо отметить и то, что основная часть затрат на промышленность Воронежской губернии шла не на развитие и строительство новых предприятий, а на восстановление старых производственных мощностей, по тем или иным причинам прекративших свою работу. К примеру, в Воронеже был восстановлен самый крупный в городе машиностроительный завод имени В. И. Ленина, расширен завод «Рихард Поле», переименованный в завод имени Коминтерна [Там же, с. 243].

Несмотря на то, что воронежский край был преимущественно сельскохозяйственным регионом, в сельском хозяйстве губернии также имелись серьезные проблемы. К примеру, к 1922 году, времени окончания Гражданской войны, данная отрасль экономики региона производила лишь 58,6% продукции от довоенного ее объема [3, д. 110, л. 1].

Одной из основных причин неудач в развитии промышленности и сельского хозяйства Воронежской губернии называлась несогласованность действий администрации, отсутствие единой программы и плана [Там же, д. 103, л. 1]. Все это приводило к тому, что результаты правительственных мероприятий в преддверии индустриализации не соответствовали возложенным ожиданиям.

Во многом неудачи восстановительного процесса были обусловлены неурожаем, обрушившимся на губернию в 1924 году, так как основная часть промышленности воронежского региона перерабатывала сельскохозяйственное сырье и зависела от погодных условий.

В 1926 году была произведена попытка дополнительного инвестирования хозяйства губернии. Последнее получило так называемые восстановительные кредиты. В результате, определенные улучшения в развитии экономики региона все же последовали, однако даже к началу регулярных мероприятий в рамках социалистической индустриализации в наиболее развитой его отрасли – сельском хозяйстве, посевные площади составили лишь 92,1% от довоенных [Там же, д. 110, л. 1]. Такие, явно неудовлетворительные, цифры говорили о том, что и сельское хозяйство нуждалось в более серьезных реконструкционных мерах. В документах середины 20-х годов есть свидетельства о том, что ряд руководителей понимал такую необходимость. В частности, ими назывались такие меры как механизация и индустриализация как сельского хозяйства, так и промышленности [Там же, л. 5]. К примеру, активно обосновывалась необходимость появления в Воронеже станкостроительных заводов, внедрения новейшей сельскохозяйственной техники в колхозы, скорейшей электрификации всего Центрального Черноземья [Там же, д. 569, л. 36].

Более того, неоднократно отмечалось, что только индустриализация сельского хозяйства может реконструировать данную сферу, сделать более современной, доходной и урожайной. Планировалось, что меры по ее реализации пройдут в наиболее значимых перерабатывающих производствах Воронежской губернии и всего Центрального Черноземья – свеклосахарном, крахмально-паточном, маслособойном.

Руководством Воронежской губернии считалось также, что индустриализация поможет снизить аграрную перенаселенность региона [Там же, д. 110, л. 5 об.]. Она, по данным Губземуправлений на середину 1920-х годов, составляла по воронежскому краю 313 тысяч человек [Там же, л. 20]. Народное хозяйство региона не могло поглотить всю местную рабочую силу из-за своего слабого развития. Это приводило к тому, что значительная часть сельского населения уходила в поисках заработков в другие губернии. Основными пунктами назначения таких рабочих были районы Нижнего Дона, Северный Кавказ, а также шахты Донецкого угольного бассейна. Небольшая часть трудящихся отправлялась в Центрально-Промышленную область, где нанималась на строительные работы. Следует отметить, что переселение избыточного сельского населения рассматривалось местным руководством как одна из основных задач.

Еще одним фактором, затруднявшим экономическое развитие Воронежской губернии, являлась нехватка благоустроенных безрельсовых, железнодорожных и водных путей сообщения. На 100 квадратных километров густо заселенной территории имелось лишь 3,83 километра железнодорожных и водных путей. Для сравнения, в среднем по Центрально-Черноземному региону этот показатель равнялся 3,98 км, а по Центрально-Промышленной области – 7,04 км. Основные перевозки осуществлялись гужевым транспортом, что при дальних расстояниях влияло на производительность как промышленности, так и сельского хозяйства.

Одной из первых попыток исправить ситуацию в экономике губернии, еще до проведения индустриальных мероприятий в масштабах всей страны, стало объединение промышленности по отраслям. Так называемое трестирование создало крупные промышленные объединения. В частности, в металлургический трест Мельстрой были объединены крупнейшие машиностроительные заводы региона – имени Коминтерна, имени Ленина, а также механический и чугунолитейный. В 1927 году в Мельстрой влился и новый завод «Триер».

Считалось, что создание трестов сможет облегчить планирование производства. К 1926 году 62 государственных заводов и фабрик Воронежской губернии были объединены в данные структуры. В то же время сохранялись и частные предприятия, а также кооперативы. Весьма распространены были кустарные промыслы, так как крестьянское население, не имея возможность приобрести разного рода промышленные товары, которых не хватало, производили их сами. Вообще спрос населения на промышленные товары удовлетворялся на территории губернии лишь на 61% [Там же, д. 111, л. 103]. Часто кустари объединялись в артели. Однако развитие кустарных промыслов было таким же слабым, как и промышленное развитие, в силу недостаточной технической и технологической базы данного вида производства [Там же, д. 110, л. 12]. В 1927 году в Воронежской губернии насчитывалось 37804 кустаря. Больше всего среди них было металлистов – 4900 человек, сапожников – 6000 человек и деревообделочников – 4000 человек [Там же, д. 111, л. 102]. Дальнейшее кооперирование кустарей рассматривалось советским правительством в качестве важной задачи будущей социалистической индустриализации.

Следует отметить, что указанные выше показатели развития воронежского края во многом были похожи на общую ситуацию в Центральном Черноземье [Там же, д. 109, л. 1]. ВВП на душу населения по данному региону составлял 20,9 и был в 2,5 раза ниже, чем в среднем по стране. Что касается количества производственных рабочих, то их доля, по сравнению с общероссийской, была еще более скромной. Даже процент ремесленников и кустарей в ЦЧР был меньше, чем по стране в целом. Таким образом, все Центральное Черноземье являлось весьма отсталым регионом по сравнению с общероссийскими показателями.

Здесь уместным будет сказать, что на территории воронежского края, помимо экономических проблем, имелась весьма тяжелая ситуация с образованием и культурой. В частности, охвачена пунктами ликбеза Воронежская губерния была в 1,5-2 раза хуже, чем СССР в целом [Там же, д. 111, л. 82].

Расходы на народное образование в 1926-1927 годы составили 6338571 р., что равнялось 33,4% бюджета губернии [Там же, д. 108, л. 19]. В то же время, по сравнению с общим уровнем по РСФСР, расходы на образование по Центральному Черноземью составляли в 1925/26 годы 135%, а в 1926/27 годы выросли до 166% [Там же, л. 21]. Однако основное количество выделяемых средств шло на финансирование вузов, расположенных по большей части в Воронеже. Учреждения массового образования это практически не затрагивало, так как отчисления на них шли из местного бюджета. Финансирование данной сферы не достигло довоенного уровня. По сравнению с 1916 годом Воронежская губерния была охвачена сетью школ на 77%. Обслуживаемость детского населения только по формальной доступности школьных учреждений равнялась лишь 67,5% от имевшейся в регионе потребности. Профессиональное образование также развивалось недостаточно. Его сеть охватывала губернию на 33% от показателя 1916 года. Единственный показатель, по которому новое, советское образование до начала индустриализации превосходило на территории воронежского края довоенное – подготовка технического персонала для предприятий. Здесь зафиксированный до Гражданской войны уровень был превышен на 12% [Там же, д. 111, л. 105].

Сельскохозяйственное образование, особенно важное для аграрного региона, было развито на территории воронежского края катастрофически слабо. Не хватало и просветительских учреждений [Там же, д. 108, л. 21].

Всего по Воронежской губернии насчитывалось 609 тысяч неграмотных в возрасте от 15 до 34 лет или 42,5% от общей численности данной категории населения. Общий процент грамотных в воронежском крае даже несколько превышал показатель по РСФСР, составлявший 65,1% [Там же, д. 100, л. 7]. Однако даже несмотря на несколько лучшую начальную ситуацию с грамотностью, чем в целом по стране, положение стремительно ухудшалось и требовало немедленных реформ.

Воронежская губерния, по мнению ее руководителей, а также высшего руководства страны, хотя и исчерпала экономические возможности для дальнейшего развития, располагала необходимыми условиями для проведения социалистической индустриализации в будущем. В числе таких определяющих и перспективных факторов назывались:

- большое количество ресурсов, а также неплохая их изученность, в результате чего у региона складывалась внушительная минерально-сырьевая база, необходимая для мероприятий по индустриализации (в частности, речь идет о рудах Курской магнитной аномалии, меловых месторождениях, значительном количестве глины и др., а также о крупных площадях технических сельскохозяйственных культур);

- близость Донецкого угольного бассейна, позволявшая ввозить на территорию ЦЧО достаточное количество угля;

- относительно благоприятные природно-климатические условия для получения высоких и устойчивых урожаев как зерновых, так и технических культур (данный фактор создавал прочную сырьевую базу для пищевой и легкой промышленности);

- относительно развитая сеть железных дорог;

- высокая плотность населения и аграрная перенаселенность, которые давали возможность не только полностью обеспечивать народное хозяйство рабочей силой, но и организовано вербовать ее для других регионов страны;

- выгодное географическое положение области в центре европейской части СССР, между двумя мощными угольно-металлургическими базами – Южно-Украинской и Уральской (это создавало неплохие возможности для развития на территории ЦЧО машиностроения и других отраслей металлургической индустрии);

- относительно большое число крупных предприятий ценовой промышленности, сравнительно пропорционально распределенное по отраслям индустрии и по округам области, что значительно облегчало техническую реконструкцию местной индустрии [4, с. 48].

В общем и целом с этими выводами, учитывая приведенные выше данные, трудно не согласиться. Вместе с тем, имелись и негативные факторы, которые тормозили будущую реконструкцию и индустриализацию промышленности ЦЧО. К ним относились:

- аграрный акцент экономики Центрально-Черноземной области (сельское хозяйство преобладало как в валовой продукции народного хозяйства, так и в занятиях местного населения, что определяло и характер размещения жителей, и их производственную деятельность);

- практически полное отсутствие промышленных запасов топлива;

- отрицательная динамика развития местного образования (при начальных достаточно высоких показателях грамотности и культурного уровня);

- неоднородность региона в социальном отношении (к примеру, имелся значительный частновладельческий сектор в сельском хозяйстве, мелкой кустарной и даже крупной, ценовой промышленности);

- общая хозяйственная отсталость ЦЧО – слабое развитие энергетической отрасли, низкие производительность труда, товарность и урожайность сельского хозяйства, малая механизация производственных процессов в том же сельском хозяйстве, и особенно – в индустриальном секторе экономики.

Кроме того, необходимо отметить небольшую численность рабочих области. При этом даже большинство имевшихся пролетариев было занято в низкотехнологичных отраслях, например, в пищевой промышленности, характеризующейся сезонным производственным циклом. Имелись перспективы количественного роста рабочего класса региона, однако он должен был быть обеспечен за счет крестьянства. Своим следствием это имело понижение общего уровня производственной квалификации, грамотности. В результате создавалась необходимость профессионального обучения рабочих и помощи в освоении ими нового, подчас сложного оборудования.

Таким образом, можно констатировать, что Воронежская губерния являлась весьма отсталым в экономическом отношении регионом. Промышленное производство составляло лишь незначительную часть хозяйства, однако и аграрный сектор, преобладавший на указанной территории, не являлся прогрессивным. Динамика промышленного развития края была крайне низкой, и даже сельское хозяйство демонстрировало сокращение посевных площадей и общий регресс на протяжении многих лет. Связи между отраслями производства, а также их взаимодействие являлись недостаточными, что особенно сильно проявлялось в поставках сельскохозяйственного сырья на перерабатывающие предприятия. Что касается тяжелой промышленности, то во всей губернии было лишь несколько заводов данной отрасли. Край требовал комплексных реформ как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. В противном случае увеличить темпы роста производства возможным не представлялось, так как пределы экстенсивного развития в 20-е годы были уже достигнуты. Развитие технологичных отраслей тяжелой промышленности на территории Воронежской губернии требовало кардинальных реформ и обширного нового строительства. Причиной тому был перерабатывающий характер даже имеющейся незначительной промышленности края. Отрасли легкой промышленности, исчерпав потенциал развития, также нуждались в изменениях. При этом территория современной Воронежской области имела перспективы для проведения мероприятий по индустриализации, среди которых основными являлись сравнительно удачное географическое положение, а также весьма высокий, по сравнению с общесоюзным, уровень грамотности населения. Поэтому отрицать необходимость проведения социалистической индустриализации в регионе нельзя, так как она позволила реконструировать промышленность и сельское хозяйство. В то же время, учитывая аграрный характер экономики воронежского региона, большие площади сельскохозяйственных земель, возделывание на территории губернии технических культур, нам представляется, что, в силу местных особенностей, был смысл сделать акцент на развитии перерабатывающего сектора промышленности, а не приступать к строительству «с нуля» тяжелой промышленной базы, как произошло на деле.

Список литературы

1. Богданов Г. Сельскохозяйственное машиностроение и машиноснабжение советской деревни. М. – Л., 1928. 398 с.
2. Воронов И. В. Кустарная промышленность. Три характеристики. Воронеж, 1926. 107 с.
3. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО). Ф. 2. Оп. 1.
4. Демидов Р. Г., Кривцун И. В. Социалистическая индустриализация и рост культурно-технического уровня трудящихся Центрального Черноземья (1928-1941 гг.). Воронеж, 1978. 196 с.
5. Загоровский П. В. Социально-экономическая история Центрально-Черноземной области (1928-1934). Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1995. 152 с.
6. История индустриализации ЦЧР 1926-1932 гг. / под ред. Т. И. Архиповой. Воронеж: Центрально-Черноземное издательство, 1970. Т. 1. 494 с.
7. Нужна России реиндустриализация или постиндустриализация, и чем они отличаются: мнения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iarex.ru/interviews/22946.html> (дата обращения: 27.01.2013).
8. Очерки истории Воронежской организации КПСС. Воронеж, 1979. 548 с.
9. Скрыпников А. В. НЭП: исторический опыт преобразований. Воронеж, 1994. 182 с.
10. Татарчуков А. Н. Центрально-Черноземная область в хозяйственном отношении: обл. плановая комиссия ЦЧО. Воронеж, 1925. 45 с.

VORONEZH TERRITORY ON THE EVE OF INDUSTRIALIZATION IN THE 30S OF THE XXTH CENTURY

Evstratov Anton Gennad'evich
Voronezh State Technical University
anton_nastoyashiy@mail.ru

The author reveals the main features of Voronezh territory economic and social development on the eve of socialist industrialization in the 30s of the XXth century, analyzes the prospects of industrial transformations, their preconditions and feasibility, as the sources uses the materials of the State Archive of Social-Political History of Voronezh region, which data differ from the information of official propaganda, and it gives a new vision of the situation within Voronezh territory on the eve of socialist industrialization.

Key words and phrases: industrialization; industrial development; collective farms; economy of Voronezh territory; collectivization; working class.

УДК 316

Социологические науки

Влияние информации на ценности молодежи – актуальное направление социально-философского дискурса. В статье исследуется процесс трансформации ценностных установок российской молодежи под воздействием социальных сетей, которые получили бурное развитие с появлением Интернета. Автор рассматривает информацию как ценность. В статье показано значение социальных сетей как новейшего инструмента коммуникации среди молодых людей и приходит к выводу о необходимости корректирующего информационного воздействия на социальные сети с целью формирования базовых позитивных ценностей молодежи.

Ключевые слова и фразы: ценности; молодежь; информация; трансформация ценностей; Интернет; социальные сети.

Заморский Владлен Валерьевич

Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана
zamorsky@mail.ru

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ЦЕННОСТНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ МОЛОДЕЖИ©

Совсем недавно Россия перешагнула двадцатилетний рубеж в качестве социального, культурного, идеологического и экономического антипода СССР. Новый этап развития российского общества связан и с формированием информационной цивилизации. Современные научные исследования отражают смещение экономической доминанты развития общества на информационно-коммуникативную, которая выступает в качестве важного дифференцирующего параметра при определении уровня его развития [1-3; 5; 7]. Современная Россия до сих пор находится в затянувшемся переходном процессе, неопределенность которого обусловлена одновременностью влияния на социум как экономического, так и информационно-коммуникативного факторов. И если экономический фактор вынудил общество пересмотреть старую систему ценностных установок, показав ее недейственность в рамках современных условий, то информационный должен был установить и закрепить новую систему ценностей.

Для формирования современного типа государства и его основного капитала – молодежи необходима информационная, идеологическая поддержка его деятельности в средствах массовой коммуникации, что создаст мощные механизмы для трансляции культурных норм и ценностей, смыслов и знаний, идей и представлений, символов и образцов поведения [12]. В современной ситуации развития российского общества трансляционный механизм не отлажен. Результатом этого является очевидный постмодернистский хаос в неподконтрольной и почти никак не корректируемой государством фундаментальной сфере отношений между индивидами и социальными группами – в сети Интернет, бурное развитие которой началось с 2000 года.

Одной из важнейших причин начала сложного, многофакторного феномена постсоветских изменений оказалась неэффективная экономика периодов перестройки и постперестройки. Несмотря на декларируемое равенство людей, была очевидна разобщенность между членами социума, вызванная крайне неравномерным распределением дефицитных благ. Получение благ или их лишение невозможно без учета мотивации и потребностей, которые связаны с ценностными установками, а значит, поляризация общества была сформирована в том числе из-за конфликта старой системы «сквозных» ценностей с набором множества новых несистемных ценностных установок как внутри индивида, так и между социальными группами. Следствием этого стала все более очевидная тенденция к индивидуализации, «социальная атомизация» индивидов, желающих главным образом сократить расстояние между уровнями стратификационной пирамиды [6].